

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Mladenov
Yu. Gavrilova

Summary: The article analyzes the influence that modern religions have on contemporary Russian reality. The authors argue that in the confessional space of the country there are different types of religious associations, which have a multidirectional impact on society, due to the origins of some in the globalizing culture and others with a long history of development on the territory of Russia. The aim of the article is to show the specifics of the Russian confessional space, in which a battle for confessional influence is taking place that goes beyond secularization and takes a form that actualizes the contradiction between traditional religions as a bastion of social security and non-traditional religions as a threat to the foundations of Russian society. The authors carry out the task of explaining the policy of the authorities of the Russian Federation, who direct the society to organize opposition to the activity of non-traditional religious associations, which is understood as a threat to traditional social foundations. The significance of the article is determined by the recommendation to protect the rights of all believers, including members of non-traditional religious associations, to freely practice their chosen religion.

Keywords: religious threats, religious associations, globalization, traditional religions, non-traditional religions, social security, freedom of religion.

Младенов Василий Иванович
соискатель, ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
mladenov.v@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна
К.ф.н., доцент, Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана (Национальный
исследовательский университет)
gavrilova.yv@bmstu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния, которое оказывают современные религии на современную российскую реальность. Авторы доказывают, что на конфессиональном пространстве страны имеют распространение разные типы религиозных объединений, оказывающих разнонаправленное воздействие на социум, обусловленное происхождением одних в рамках глобализирующейся культуры, других, имеющих длительное развитие на территории России. Целью статьи является стремление показать особенности российского конфессионального пространства, в котором происходит борьба за конфессиональное влияние, вышедшая за рамки секуляризации и принявшая форму, в которой актуализировано противоречие между традиционными религиями, как оплотом социальной безопасности и нетрадиционными религиями, как угрозой устоям российского общества. Авторы выполняют задачу объяснения политики властных структур, Российской Федерации, направляющих общество на организацию противостояния активности нетрадиционных религиозных объединений, которая понимается, как угроза традиционным социальным устоям. Значение статьи определяется рекомендацией необходимости защиты прав всех верующих, включая членов нетрадиционных религиозных объединений, свободно исповедовать выбранную им религию.

Ключевые слова: религиозные угрозы, религиозные объединения, глобализация, традиционные религии, нетрадиционные религии, социальная безопасность, свобода вероисповедания.

Актуальность исследования. В современной России проблема религиозных угроз возникла в 90-е гг. XX в. в связи с распадом Советского Союза и ростом настроений, ознаменовавших процесс освобождения от диктата коммунистической партии и атеизма, а также последующим появлением религиозных организаций как зарубежного, так и российского происхождения. Успех «религиозного возрождения» был определен такими факторами, как рост проблем и рисков системного характера, разрушающих существующую стабильность общества, а также тенденциями десоциализации, деморализации и криминализации общества [7, с. 329].

В то же время российские религии выстраивали свою политику, основываясь на убеждении, согласно

которому каждая из них является представителем Бога и олицетворением высших истин, что предполагало восприятие иных религий, как противников, представляющих угрозу обществу. Это делало существующие конфессии потенциально опасными друг для друга. Однако их возможное противостояние было ограничено нормами действующего на тот момент либерального законодательства.

При этом успехи нетрадиционных религий, стремительно набиравших новых членов, внушали обеспокоенность тем религиям, которые считали себя традиционными на конфессиональном поле России. Их представители сформировали лобби, поставившее своей задачей распространение информации о том, что

вместе с нетрадиционными религиями в Россию приходят угрозы связанные с влиянием, которое было выгодно международным картелям, нацеленным на принесение ущерба интересам российского народа, духовным ценностям общества, что предполагало необходимость поверить в осуществляемую новыми религиями идеологическую экспансию [11, с. 78]. В связи с этим возник вопрос о том, как определить критерии религиозной угрозы нетрадиционных религий.

Разработанность темы связана с тем, что в исследованиях общества и религии не существует единого взгляда на сущность социальной безопасности и религиозной угрозы, причиной чего являются противоречия между представителями религиозного либерализма и «антикультового направления». на актуализации темы религиозных угроз безопасности российского общества с позиций антикультизма (А.Л. Дворкин, Н.В. Кривельская, Р.А. Силантьев, В.А. Мартинович, А.И. Хвыля-Олинтер, И.А. Тарасевич). С критикой антикультистской концепции выступают исследователи государственно-конфессионального взаимодействия (И.Я. Кантеров, П.Н. Костылев, А.П. Забияко, Р.Н. Лункин, Н.С. Гордиенко, С.И. Иваненко, Е.С. Элбакян), отстаивающие права верующих. Существующее противоречие доказывает необходимость проведения исследований проблемы религиозной угрозы социальной безопасности.

Объектом исследования является социальный дискурс безопасности в Российской Федерации. Предметом исследования являются религиозные угрозы в дискурсе социальной безопасности на территории Российской Федерации. Цель исследования – выявление сущности религиозных угроз социальной безопасности. Теоретическая основа исследования задана теорией социальной безопасности, теорией социальной эволюции и адаптации религии. Методологической основой исследования являются исторический и системный подход, используемый при анализе современного религиозного воздействия на сознание верующих. В работе использованы структурно-функциональный анализ, сравнения, проблематизация, анализа, синтеза. В работе использован комплекс философских методов, включающий в качестве основы метод структурно-функционального анализа, дополненный научными методами истории, социологии, этнографии, лингвистики, а также общенаучных методов, таких как сравнение, концептуализация, проблематизация, моделирование, анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования

Противоречие между глобализационными и противостоящими им автономистскими устремлениями привело к тому, что на территории Российской Федерации сформировалась ситуация, которая напрямую связана со стремлени-

ем защитить религиозную традицию, в контексте которого влияние религиозной новации рассматривалось априори в качестве угрозы обществу. Поэтому в России сосуществуют разнообразные традиционные и нетрадиционные, альтернативные конфессии, которые, находясь во взаимоотношениях между собой, могут пониматься как представляющие угрозу для человека, общества и для традиционной православной религии. Ведущим фактором этой ситуации является стратегия взаимодействия российского государства с религиозными объединениями, где государство занимается протекцией православных интересов. Это служит поводом для распространения опасений о состоянии духовного здоровья людей, принимающих конкурентные религии, которые объявляются «нетрадиционными», опасными и неприемлемыми для общества.

Среди религий, опасных для общества выделяются те, которые совершили преступления и отнесены к экстремистским в связи с оценкой их деятельности. Эти организации запрещены в России и в других странах не в связи с тем, что их учение не соответствовало общепринятым нормам, а в связи с преступлениями, которые совершены членами этих организаций. Негативные примеры деятельности этих религиозных объединений стали поводом для того, чтобы остальные нетрадиционные религиозные организации начали оцениваться только в связи с содержанием вероучения, которое понимается как экстремистское, деструктивное и тоталитарное. Однако в силу того, что в обществе до сих пор отсутствуют признаваемые всеми его членами критерии, отделяющие традиционность и не - традиционность, каждое религиозное объединение самостоятельно доказывает свою социальную безопасность, вступая в дискурсивные отношения с Министерством юстиции РФ, позицию которого определяет методология преследований иноверцев, которая разрабатывается представителями Экспертного Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

Государственная стратегия, направленная на контроль и ограничение деятельности нетрадиционных религиозных объединений, включает принятие концепции национальной безопасности, предусматривающей априорное разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные», использование религиоведческой экспертизы, привлекаемой для оценки деятельности нетрадиционных религий, а также подготовки судов, направленных на ограничение их деятельности либо запрещение. При этом применение названных процедур подвергается социальной критике, так как на практике отсутствуют критерии, благодаря которым можно достоверно обосновать наличие опасности, исходящей от тех религиозных объединений, которые не ведут противоправную деятельность.

Обсуждение результатов

В 90-е гг. XX в. Российская Федерация являлась по-

ликонфессиональным государством, религиозная жизнь которого регулировалась в рамках либеральных отношений личности, различных конфессий и государства. Взаимодействие между этими институтами осуществлялось на основании принципа равенства между всеми субъектами, в состав которых входила православная церковь, объединения мусульман, буддистов, иудеев и протестантов, а также вновь появившихся нетрадиционных течений, признаваемых равными перед законом. При этом не только принципы законодательства, но и участники религиозных движений в большинстве утверждали принципы законопослушности, морального совершенствования, выступали против насилия [5, с. 175].

Здесь важно указать, что среди нетрадиционных религий, на тот момент распространенных на территории Российской Федерации, были те, кто представлял и те, кто не представлял для общества несомненную угрозу безопасности. К последним принадлежали организации исламского радикального фундаментализма и деструктивные религиозные движения, которые прямо оправдывали насилие и жестокость. Они основывали свою социальную деятельность на принципах религиозной нетерпимости, экстремизма и практиковали терроризм. В частности известность получили, признанные экстремистскими «Великое белое братство», группы сатанистов, которые совершали преступления, наказания за которые предусматривались уголовным законодательством. Озабоченность вызывали группы, связанные с возрождением мусульманства в северокавказском регионе России и регионах бывших республиках Советского Союза. Однако деятельность этих организаций была быстро запрещена на основании оценки их преступлений, носивших нерелигиозный и антиобщественный характер.

Однако, помимо уже упомянутых существовал еще один тип религиозных организаций, в отношении которых в обществе оказался распространенным ярлык экстремизма. Эти общины верующих, представленные Свидетелями Иеговы, саентологами, мунистами, пятидесятниками и др., которые не совершали уголовно-наказуемых деяний и не вели деятельности, нарушавшей законодательство РФ. Их вина состояла в том, что, несмотря на нетрадиционное содержание вероучения, они были очень успешны в ведении проповеди и наборе неофитов. Это стало причиной недовольства традиционных конфессий и правоохранительных органов, которые заявляли, что эти организации вели экстремистскую прозелитическую деятельность. Термин «прозелитизм» был использован в случаях, когда речь шла о неправомерном воздействии на людей, манипуляции их сознанием [8]. Важно учесть, что несмотря на то, что факты манипуляции сознанием не были доказаны в суде, прозелитизм нетрадиционных религий вызывал протест православия, выражавшего недовольство проповедни-

ческой деятельностью нетрадиционных конфессий, куда включались католические, протестантские и иные религиозные объединения. Однако проблему представляло то, что на тот момент в стране отсутствовала правовая база, позволяющая ограничить деятельность нетрадиционных религиозных объединений, ведущих активную проповедническую работу [1, с. 164].

В связи с этим во властных и церковных кругах возник вопрос о том, как определить такие критерии религиозной угрозы социальной безопасности нетрадиционных религий, которые бы доказывали, что они были опасны. В качестве критериев были выбраны параметры личностного мироощущения и психического здоровья приверженцев нетрадиционных религий, которые якобы страдали при вовлечении этих людей в религиозную деятельность. Краеугольным камнем критики антикультулизма стало понятие «свободы совести», которым пользовались вступающие в ряды нетрадиционных объединений, и которого они, как утверждали противники нетрадиционной религиозности лишались. По их утверждению, лидеры «нетрадиционных религий» изолировали их от семьи, общества, традиционной культуры и духовности [10]. Однако доказать, что такие религиозные организации, как «Церковь Христа», «Церковь Объединения», «Свидетели Иеговы», «Сайентология» и др. несмотря на жесткую структуру и дисциплину, устанавливаемую среди принимаемых в ряды организации членов, не удалось. Было очевидно, что эти религиозные организации пользуются ограниченным набором действий, признаваемых легитимными на территории большинства стран мира.

Тем не менее, политика их преследования была продолжена. Начался поиск нового обоснования их опасности для российского общества и личности, в результате которого нетрадиционные религиозные организации стали рассматриваться как один из инструментов «мягкой силы» с помощью которого зарубежные государства пытаются оказать воздействие на массовое сознание и трансформацию культурных, социальных и экономических ценностей народов России. В результате антикультуровой кампании и ряду судебных процессов против таких групп, как Белое Братство, Свидетели Иеговы Саентология, неопятидесятники, Церковь Объединения и др., в 1997 г. представители патриархального лобби добились, чтобы в законодательстве страны было принято положение, согласно которому религии разделялись на обладающих статусом защищаемых государством и статусом, благодаря которым они подвергаются преследованиям. Наиболее высокую и приближенную к государству ступень этой иерархии занимала православная церковь, вслед за нею расположились мусульманская, буддийская и иудейская религии. Другие организации были признаны «нетрадиционными» и стали рассматриваться, как источник потенциальных угроз, включая попытки набора неофитов, ведение финансовой деятельности,

управленческой деятельности на уровне организаций. Особое место заняла угроза распространения печатных текстов, содержание которых также оценивалось как угроза духовности и социальным порядкам [9, с. 8].

Вместе с этим существующая в российском обществе сложность в отношении критериев религиозной угрозы, которая определяется содержанием законов «О свободе совести...» и «О противодействии экстремистской деятельности», служит основанием для распространения ситуативного, подхода связанного господством дискурсивных практик, как основания для выявления конкретных угроз, источником которых могут стать религиозные объединения. При этом субъективность этой практики часто служит основанием отказа от принципа равенства для конфессий и ведет к тому, что приговоры и обвинения в отношении представителей религиозных объединений ставятся в зависимость от субъективных мировоззренческих ориентиров правоприменителей. Для доказательства данного тезиса достаточно указать на то, что в вероучительных текстах этих религий, как правило есть прямые указания на исключительность своей веры и превосходство своих последователей по признаку «религиозной принадлежности или отношения к религии» [12].

Поэтому в настоящее время представители «религиозных меньшинств» обеспокоены угрозой стать предметом преследований, причиной которых является негласный социальный заказ, целью которого является не только борьба с террором, но и ликвидация религиозного инакомыслия. Эти опасения поддерживаются и самими правоприменителями, создавшими в 2009 г. при Министерстве юстиции РФ Экспертный совет по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы, целью которого было стремление придать законный характер антирелигиозной активности. Основным вопросом, поднимаемым экспертами, входившими в состав Совета, стало обнаружение экстремистских форм преступной деятельности в религиозной сфере. Однако, как выяснилось, такие религиозные направления, как адвентизм, баптизм, бахаизм, католицизм, кришнаизм, новоапостольская церковь не вели экстремистской деятельности и поэтому не вызывали противостояния в обществе [3]. Поэтому в вину им стали вменять содержание доктринальных религиозных текстов, нетрадиционность которых должна была указать на их социальную опасность. Знаменательной стала публикация Министерством юстиции Федерального списка экстремистских печатных материалов, с помощью которого осуществлялось давление на религиозные организации. Это многочисленные издания мусульман, Свидетелей Иеговы, саентологов, которые никому не нанесли того вреда, который можно было хоть как-то зафиксировать. Вина этих организаций состоит в том, что они обладают неправославным вероучением [6, с. 118].

С этой точки зрения, носители нетрадиционной религиозности характеризуются как люди, ориентированные на собственные, отличающиеся от традиционных духовно-нравственных ценностей, представления об устоях личной и общественной жизни, которые не участвуют в процессе ретрансляции традиционной культуры. Одним из ярких случаев этой практики является преследование Саентологической Церкви, детальное исследование обстоятельств которого позволило Р. Сулейменову доказать, что многие религиоведы, так или иначе выполняют социальный заказ, поэтому независимая экспертная оценка религии в нашей стране отсутствует. Это ставит вопрос о необходимости выработки четких критериев, связанных с определением угрозы, исходящей от религий объединений. Важно, чтобы в последующем эти критерии были увязаны с действующим законодательством, юридическими и конституционными нормами [7].

Очередной виток судебных разбирательств по поводу установления религиозных угроз, источником которых была признана религиозная организация, пришелся на 2016-2017 гг., когда ответчиком по делу о религиозном экстремизме стала организация «Свидетелей Иеговы». В качестве обвинения против иеговистов Министерство юстиции выдвинуло тезис об экстремистском характере вероучения этой организации, которое было зафиксировано в используемых ими публикациях книг и журналов. На основании данных экспертов Верховный Суд РФ признал «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и постановил решение о запрете и ликвидации всех региональных подразделений иеговистов, управлявшихся «Управленческим Центром свидетелей Иеговы России» [2].

Дискурс о судьбе «Свидетелей Иеговы» в современной России приобрел большой резонанс. На эту тему высказались многие эксперты и юристы, по общему мнению, которых проведение религиозно-экспертной экспертизы над иеговистами после регистрации их религиозной организации нарушает статью 8 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [4]. На практике эти действия ведут к нарушению положений Конституции о свободе вероисповедания, а также способствуют разжиганию межконфессиональной напряженности. Это приводит к протестам со стороны верующих, общественности и научного мира, что способствует снижению престижа России. При этом большинство случаев незаконного преследования религиозных организаций в дальнейшем опротестовывается в судах высшей инстанции, в частности в Европейском суде по правам человека, и таким образом, оборачивается бессмысленной тратой времени и средств на уровне Российской Федерации в целом [10, с. 175].

В этой ситуации неизбежным является вопрос о том, что же можно считать реальной религиозной угрозой, и какие меры предпринимать для сохранения религиоз-

ной безопасности личности и общества на территории Российской Федерации. На наш взгляд, очень важным является фиксация того естественного разграничения между религиозными организациями, которые совершили преступления против общества и личности и организациями, которые не совершили таких преступлений. Не менее важным является необходимость осознания того, что за многие преступления, совершенные членами религиозных организаций сами религиозные организации ответственности не могут нести [13].

Важным аспектом, говорящим о сложности работы религиозоведческой экспертизы является необходимость выявления элементов вероучения, которые признаны недопустимыми к распространению на уровне норм права, распространенных в стране и в мире. Такими элементами признаются фашизм, шовинизм, идеологии, оправдывающие уничтожение людей по любым признакам и причинам и т.д. Однако наряду с учетом этих положений, важно помнить о том, что сутью любого религиозного учения является вера в исключительность собственного пути спасения, которая отражена в текстах всех религий, включая и мировые религии. На территории современной России такие религиозные объединения не имеют возможности существовать и должны ликвидироваться уже при их зарождении. В отношении же религиозных организаций, которые уже зарегистрированы, мы можем уверенно заявить, что подобных эле-

ментов вероучения их доктрины не содержат.

Выводы:

В целом, рассмотрение содержания вероучений действующих религиозных организаций на предмет содержания в них элементов экстремизма показывает, что далеко не во всех случаях эти тексты являются реальной причиной экстремистских действий и непримиримого противостояния. Дело в том, что идея исключительности, имеющаяся в вероучениях большинства религий, не является подлинной причиной религиозной конфронтации, так как все они в течение длительного времени участвуют в проведении межконфессионального диалога и осуществляют программы сотрудничества, опираясь на значительный миротворческий потенциал, представляющий значительные возможности для достижения общественного согласия. Например, в российской истории православная, мусульманская, иудейская, буддийская, протестантская и др. конфессии, несмотря на значительное расхождение в содержании доктрин, имеющих радикальное содержание, мирно сосуществуют на одной территории. Таким образом, критерием религиозного экстремизма является не фундаменталистское вероучение, которое не ведет напрямую к действиям, а разрушительная деятельность приверженцев экстремистских организаций, стремящихся к захвату власти, демонстрации силы, разрушению и убийствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васьк Е.В. Куракина О.И. Политический экстрим: миф или особый путь, ведущий к катастрофе // Вестник Пермского университета. 2014. № 3. С. 164-168.
2. Верховный суд запретил деятельность «Свидетелей Иеговы» в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/incidents/20170420/1492720045.html> (Дата обращения: 06.03.2020).
3. Гильдия экспертов по религии и праву выступила с заявлением по поводу Совета по религиозоведческой экспертизе при Минюсте РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/religion-general/2011/11/d23042/> (Дата обращения: 06.03.2020).
4. Ершов Ю. Необъявленная война. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://religiopolis.org/publications/6672-neobjavlennaja-vojna.html> (Дата обращения: 06.03.2020).
5. Красилов Д.В. Международно-правовая природа справедливой компенсации, присуждаемой Европейским судом по правам человека // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. Т. 8. № 2. С. 175-179
6. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118.
7. Лункин Р. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. М.: РОСПЭН. 2009. С. 329-394.
8. Маркус Дж.С. Межрелигиозный диалог в России: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dumrf.ru/islam/dialog/1806/> (Дата обращения: 08.03.2020).
9. Митько А.Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. № 10. (259). С. 177-185.
10. Путин запретил проверять Библию и Коран на экстремизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2015/11/23/extremism/> (Дата обращения: 06.03.2020).
11. Семенова В.И. Способы влияния деструктивных религиозных организаций на молодежь в современной России // Власть. 2013. № 4. С. 75-78.
12. Сопова А. Патриарх Кирилл: против Церкви ведется информационная война [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/520710> (Дата обращения: 03.03.2020)
13. Zhukov A.V. Theology, Christology and anthropology of contemporary Jehovahism // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2010. N. 28. № 1. S. 165-172.

© Младенов Василий Иванович (mladenov.v@mail.ru), Гаврилова Юлия Викторовна (gavrilova.yv@bmstu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»